

Тартюф, или Обманщик (Le Tartuffe, ou L'Imposteur) - Комедия (1664-1669)

В доме почтенного Оргона по приглашению хозяина обосновался некий г-н Тартюф. Оргон души в нем не чаял, почитая несравненным образцом праведности и мудрости: речи Тартюфа были исключительно возвышенны, поучения - благодаря которым Оргон усвоил, что мир являет собой большую помойную яму, и теперь и глазом не моргнул бы, схоронив жену, детей и прочих близких - в высшей мере полезны, набожность вызывала восхищение; а как самозабвенно Тартюф блюл нравственность семейства Оргона...

Из всех домочадцев восхищение Оргона новоявленным праведником разделяла, впрочем, лишь его матушка г-жа Пернель. Эльмира, жена Оргона, ее брат Клеант, дети Оргона Дамис и Мариана и даже слуги видели в Тартюфе того, кем он и был на самом деле - лице-мерного святошу, ловко пользующегося заблуждением Оргона в своих немудреных земных интересах: вкусно есть и мягко спать, иметь на-дежную крышу над головой и еще кой-какие блага.

Домашним Оргона донельзя опостытели нравоучения Тартюфа, своими заботами о благопристойности он отвалил от дома почти всех друзей. Но стоило только кому-нибудь плохо отозваться об этом рев-нителе благочестия, г-жа Пернель устраивала бурные сцены, а Оргон, тот просто оставался глух к любым речам, не проникнутым, восхище-нием перед Тартюфом.

Когда Оргон возвратился из недолгой отлучки и потребовал от служанки Дорины отчета о домашних новостях, весть о недомогании супруги оставила его совершенно равнодушным, тогда как рассказ о том, как Тартюфу случилось объесться за ужином, после чего про-дряхнуть до полудня, а за завтраком перебрать вина, преисполнила Оргона состраданием к бедняге.

Дочь Оргона, Мариана, была влюблена в благородного юношу по имени Валер, а ее брат Дамис - в сестру Валера. На брак Марианы и Валера Оргон вроде бы уже дал согласие, но почему-то все откла-дывал свадьбу. Дамис, обеспокоенный собственной судьбой, - его женитьба на сестре Валера должна была последовать за свадьбой Ма-рианы - попросил Клеанта разузнать у Оргона, в чем причина про-медления. На расспросы Оргон отвечал так уклончиво и невра-зумительно, что Клеант заподозрил, не решил ли тот как-то иначе распорядиться будущим дочери.

Каким именно видит Оргон будущее Марианы, стало ясно, когда он сообщил дочери, что совершенства Тартюфа нуждаются в возна-граждении, и таким вознаграждением станет его брак с ней, Марианой. Девушка была ошеломлена, но не смела перечить отцу.

За нее пришлось вступиться Дорине: служанка пыталась втолковать Оргону, что выдать Мариану за Тартюфа - нищего, низкого душой уroda - значило бы стать предметом насмешек всего города, а кроме того - толкнуть дочь на путь греха, ибо сколь бы добродетельна ни была де-вушка, не наставлять рога такому муженьку, как Тартюф, просто не-возможно. Дорина говорила очень горячо и убедительно, но, несмотря на это, Оргон остался непреклонен в решимости пород-ниться с Тартюфом.

Мариана была готова покориться воле отца - так ей велел дочер-ний долг. Покорность, диктуемую природной робостью и почтением к отцу, пыталась преобороть в ней Дорина, и ей почти удалось это сделать, развернув перед Марианой яркие картины уготованного им с Тартюфом супружеского счастья.

Но когда Валер спросил Мариану, собирается ли она подчиниться воле Оргона, девушка ответила, что не знает. В порыве отчаяния Валер посоветовал ей поступать так, как велит отец, тогда как сам он найдет себе невесту, которая не станет изменять данному слову; Ма-риана отвечала, что будет этому только рада, и в результате влюблен-ные чуть было не расстались навеки, но тут вовремя подоспела Дорина.

Она убедила молодых людей в необходимости бороться за свое счастье. Но только действовать им надо не напрямик, а околь-ными путями, тянуть время, а там уж что-нибудь непременно устроится, ведь все - и Эльмира, и Клеант, и Дамис - против абсурдно-го замысла Оргона,

Дамис, настроенный даже чересчур решительно, собирался как следует приструнить Тартюфа, чтобы тот и думать забыл о женитьбе на Мариане. Дорина пыталась остудить его пыл, внушить, что хитрос-тью можно добиться большего, нежели угрозами, но до конца убе-дить его в этом ей не удалось.

Подозревая, что Тартюф равнодушен к жене Оргона, Дорина попросила Эльмиру поговорить с ним и узнать, что он сам думает о браке с Марианой. Когда Дорина сказала Тартюфу, что госпожа хочет побеседовать с ним с глазу на глаз, святоша оживился. Поначалу, рас-сыпаясь перед Эльмирой в тяжеловесных комплиментах, он не давал ей и рта раскрыть, когда же та наконец задала вопрос о Мариане, Тартюф стал заверять ее, что сердце его пленено другою. На недоуме-ние Эльмиры - как же так, человек святой жизни и вдруг охвачен плотской страстью? - ее обожатель с горячностью отвечал, что да, он набожен, но в то же время ведь и мужчина, что мол сердце - не кремень... Тут же без обиняков Тартюф предложил Эльмире предать-ся восторгам любви. В ответ Эльмира поинтересовалась, как, по мне-нию Тартюфа, поведет себя ее муж, когда услышит о его гнусных домогательствах. Перепуганный кавалер умолял Эльмиру не губить его, и тогда она предложила сделку: Оргон ничего не узнает, Тартюф же, со своей стороны, постарается, чтобы Мариана как можно скорее пошла под венец с Валером.

Все испортил Дамис. Он подслушал разговор и, возмущенный, бросился к отцу. Но, как и следовало

ожидать, Оргон поверил не сыну, а Тартюфу, на сей раз превзошедшему самого себя в лицемерном самоуничтожении. В гневе он велел Дамису убираться с глаз долой и объявил, что сегодня же Тартюф возьмет в жены Мариану. В приданое Оргон отдавал будущему зятю все свое состояние.

Клеант в последний раз попытался по-человечески поговорить с Тартюфом и убедить его примириться с Дамисом, отказаться от не-праведно приобретенного имущества и от Марианы - ведь не подобает христианину для собственного обогащения использовать ссору отца с сыном, а тем паче обречь девушку на пожизненное мучение. Но у Тартюфа, знатного риторика, на все имелось оправдание.

Мариана умоляла отца не отдавать ее Тартюфу - пусть он забирает приданое, а она уж лучше пойдет в монастырь. Но Оргон, кое-чему научившийся у своего любимца, глазом не моргнув, убеждал бедняжку в душевности жизни с мужем, который вызывает лишь омерзение - как-никак, умерщвление плоти только полезно.

Наконец не стерпела Эльмира - коль скоро ее муж не верит словам близких, ему стоит воочию удостовериться в низости Тартюфа. Убеденный, что удостовериться ему предстоит как раз в противном - в высоконравственности праведника, - Оргон согласился залезть под стол и оттуда подслушать беседу, которую будут наедине вести Эльмира и Тартюф.

Тартюф сразу клюнул на притворные речи Эльмиры о том, что она якобы испытывает к нему сильное чувство, но при этом проявил и известную расчетливость: прежде чем отказаться от женитьбы на Мариане, он хотел получить от ее мачехи, так сказать, осязаемый залог нежных чувств. Что до нарушения заповеди, с которым будет сопряжено вручение этого залога, то, как заверял Эльмиру Тартюф, у него имеются свои способы столковаться с небесами.

Услышанного Оргоном из-под стола было достаточно, чтобы наконец-то рухнула его слепая вера в святость Тартюфа. Он велел подлецу немедленно убираться прочь, тот пытался было оправдываться, но теперь это было бесполезно. Тогда Тартюф переменял тон и, перед тем как гордо удалиться, пообещал жестоко поквитаться с Оргоном.

Угроза Тартюфа была небезосновательной: во-первых, Оргон уже успел выправить дарственную на свой дом, который с сегодняшнего дня принадлежал Тартюфу; во-вторых, он доверил подлому злодею ларец с бумагами, избличавшими его родного брата, по политическим причинам вынужденного покинуть страну.

Надо было срочно искать какой-то выход. Дамис вылезался поколотить Тартюфа и отбить у него желание вредить, но Клеант остановил юношу - умом, утверждал он, можно добиться большего, чем кулаками. Домашние Оргона так еще ничего не придумали, когда на пороге дома объявился судебный пристав г-н Лояль. Он принес предписание к завтрашнему утру освободить дом г-на Тартюфа. Тут руки зачесались уже не только у Дамиса, но и у Дорины и даже самого Оргона.

Как выяснилось, Тартюф не преминул использовать и вторую имевшуюся у него возможность испортить жизнь своему недавнему благодетелю: Валер принес известие о том, что негодяй передал королю ларец с бумагами, и теперь Оргону грозит арест за пособничество мятежнику-брату. Оргон решил бежать пока не поздно, но стражники опередили его: вошедший офицер объявил, что он арестован.

Вместе с королевским офицером в дом Оргона пришел и Тартюф. Домашние, в том числе и наконец прозревшая г-жа Пернель, принялись дружно стыдить лицемерного злодея, перечисляя все его грехи. Тому это скоро надоело, и он обратился к офицеру с просьбой оградить его персону от гнусных нападок, но в ответ, к великому своему и всеобщему изумлению, услышал, что арестован.

Как объяснил офицер, на самом деле он явился не за Оргоном, а для того, чтобы увидеть, как Тартюф доходит до конца в своем бесстыдстве. Мудрый король, враг лжи и оплот справедливости, с самого начала возымел подозрения относительно личности доносчика и оказался как всегда прав - под именем Тартюфа скрывался негодяй и мошенник, на чьем счету великое множество темных дел. Своею властью государь расторг дарственную на дом и простил Оргона за косвенное пособничество мятежному брату.

Тартюф был с позором препровожден в тюрьму, Оргону же ничего не оставалось, кроме как вознести хвалу мудрости и великодушию монарха, а затем благословить союз Валера и Марианы.

А. А. Карельский